

У Бориса Федоровича Ершова была хорошая гражданская профессия — бухгалтер. Его, совсем еще молодого паренька, в райпотребсоюз звали не иначе как Борис Федорович. Он с удовольствием работал, наслаждался жизнью. Весело тогда было в селе Большое Марсьево. Через день устраивались танцы на открытой площадке. По субботам и воскресеньям веселился народ клубная самодеятель-

прага. Будете осуществлять диверсии, держать связь с партизанами. Поэтому готовьтесь очень серьезно. И готовьтесь серьезно. Прятали е вышки, с аэростатов. До самолета пока еще не допускали...

Конечно, было страшно. Это. Особенно на аэростате. Куда-то ввысь поднимается шар, а под ним подкрывается гондола с группой молодых диверсантов. Жутко. Внизу все такое маленькое: дороги, реки, домики,

питанная водой почва мешала тяжелой технике. Танки вязли, проваливались колеса пушек. Приходилось рубить лес, делать настилы, и уже по ним перетаскивать или перевозить технику. Люди выматывались физически и душевно. Продвигались по ночам. Часто от усталости спали на ходу, держа за плащ-палатку впереди идущего. Такое спеленное передвижение категорически запрещалось строгими приказами, но человек состоит не из железа, даже если он сол-

Дважды рожденный

ность. Хороши были и воскресные гулянья в Доле, в дубовой роще. Но в одно из воскресений к гуляющим буквально подбежал запыхавшийся секретарь сельсовета и предложил всем срочно собраться в клубе. На вопрос, что случилось, он как-то болезненно сморщился и махнул рукой.

Разряженные, развеселые сельчане недоумевали: чтой-то с ним? Всегда такой разбитой и веселый?!

Известие о начале войны оглушило всех. Молодежь, та еще по незнанию, по своей петушьей спеси, хорохорилась: «Да мы их за неделю в бараний рог...» Люди посмекалистее, да постарше приуныли, помрачнели. Они-то знали, что такое война.

Вот так и завершилась мирная бухгалтерская жизнь Бориса Ершова, и началась жизнь совершенно другая: быстрая, скоротечная, жесткая. С ускоренных курсов общей военной подготовки он попал в Саратовское пехотное училище. Три месяца гоняли курсантов, выжимали из них пот и соль, даже звали сержантское присвоили, и срочно спешно всех вдруг перевели в Раменскую парашютную школу. Непривычно все-таки пехотницу так вот сразу перебираться «на небеса» — к самолетам, парашютам. Да делать нечего. Пришлось Борису Ершову научиться сначала на земле правильно укладывать громоздкий парашют, затем управляться с ним в воздухе.

Политрук твердил десантникам: «Вас забросят в тыл

точно игрушечные. А людей вообще не видно. Один, деревенский, так тот вообще не выдержал. Храбрился, бодрился, пел даже «Широка страна моя родная». А как прозвучала команда прыгать — запричитал, свернулся клубком, забился в самый угол, под лавку. Едва на землю вытащили.

Ершов шагнул в бездну смело. Засветело, закрутило, ударило в лицо тугими воздушными струями. Потом — рывок, гулкий выстрел распутившегося парашюта и плавное-плавное скольжение вниз, к зеленому квадрату аэродрома. Земля встретилась несласково. Рванулась под ноги, больно ударила, исцарапала об острые травяные стебли. И все-таки Ершову парашют понравился. Удалось и трижды прыгнуть с самолета. А тот бедолага-курсант, распевавший «Широка страна моя родная», за трусость был направлен в штрафной батальон.

Время менялось круто. Собирали однажды парашютистов на плацу и объявили новый приказ. Поскольку школа расформируется, всему курсантскому составу предписано было влиться в состав стрелковых пехотных частей.

...Старший сержант Ершов смотрел вперед, точно пытаясь прозреть взглядом туманную плотную дымку. Непривычное затишье давило на нервы, звоном отдавалось в ушах.

Здесь, под Старой Руссой, шли затяжные кровопролитные бои. Густой смешанный лес, болотистые низины, про-

дат. И шли солдаты, держась друг за друга, как дети в яслях.

Получался у Ершова очень странный распорядок дня: днем — война, ночью — переход. Эх, поспать бы у себя дома! Сейчас, перед атакой, он вспоминал далекий, уютный теплый дом. Неужели война когда-нибудь кончится? И он, Ершов Борис Федорович, все-таки придет к себе домой?

Взвилась красивая ракета. «За Родину! За Сталина! Ура!» — хрипло закричали впереди. Атака. Немцы, точно очнувшись ото сна, беспорядочно ударили из тяжелых пулеметов. Ожили артиллерей. Все велькнуло, загудело, потонуло в слободах багряного пламени... и клубящаяся черная дымка. Пехота дружно наступала. Крики «Ура» слились с гулом разгорающегося боя. Сквозь стрекот пулеметов и свист снарядов пробилась странная низкий, жужжащий гул, точно взлетел огромный майский жук. «Шестизвальный миномет, — на бегу вспомнил вдруг сержант, — тот самый». О новой немецкой каверзе говорили вчера в узком кругу бойцы. Говорила всякое... И точно плетясь стегануло по земле. Взрывы ударили один за другим, подорвали шесть раз, затем еще шесть раз и еще... Ершов сразу-то и не понял, в чем дело. Просто нагнулся, схватился рукой за грудь и крикнул: «Иванов, меня в сердце ранило». В госпитале он долго приходил в себя. Никак не мог понять, почему хирург сказал, что привезли поздно? Он тогда не знал, сколько длилась операция и как тщательно хирург копался у него в расплоскованном животе, пытаясь извлечь осколок. Не знал Ершов, что осколок так и не извлекли, оставили под давлением, как есть.

Через четыре месяца солдата из госпиталя вывели. Задёживаться было некогда, надо воевать. Ленинградский фронт. Прибалтика, затем разгром гитлеровцев в Курляндском котле и... второе рождение в апреле.

(Окончание на 4-й стр.)

НА СНИМКЕ: семья Ершова.

Фото 1970 года из семейного архива.

Дважды рожденный

(Окончание. Начало на 2-й стр.)

Тот бой был в апреле. Немцы огрызались, пытались сдерживать атакующую пехоту. На этот раз не осколок и не пуля поразили Ершова. «Просто» недалеко разорвался снаряд, и его, Ершова, приподняло взрывной волной, да и удари-

ло оземь. Вдобавок сверху еще землей присыпало. К счастью, у проходившего мимо (после боя) санитарного инструктора прохудился сапог. А тут, точно на заказ, такой же сапог из земли выглядывает. Дернул инструктор за сапог, осыпалась земля, показался из-под нее сержант. Ко-

нечно, без сознания, с сильной контузией. В госпитале теперь пришлось не просто лечиться, а заново овладевать речью, заново учиться ходить, видеть...

Далеко позади осталась война. Мирно живет володарец, ветеран войны Борис Федорович Ершов. Он спокойно

говорит о жизни, о политике, о современной неразберихе. Шутит, смеется. Но о войне Борис Федорович спокойно говорить не может. Видно, выше сил человеческих вспоминать то страшное время. И дай Бог, чтобы тот кошмар никогда больше не повторился.

В. МИГОВ.

«Знамя», № 52,
8 мая 1993 год.